

ГИБЕЛЬ ЭБЕРТИСТОВ

В. Г. Ревуненков

До наших дней не ослабевает интерес к проблемам Французской буржуазной революции конца XVIII века. И поныне ряд вопросов вызывает оживленный обмен мнениями. В частности, еще далек от завершения спор об эбертистах. Эбертистами принято называть группу деятелей Коммуны Парижа 1792—1794 гг. и Клуба кордельеров. Наиболее видными представителями этой группы были прокурор Парижской коммуны А. Шометт и его заместитель, редактор популярной газеты «Père Duchesne» Ж.-Р. Эбер. Эбертисты были близки к общественным «низам»: к мелкой ремесленной буржуазии, к беднейшим крестьянам, к тогдашним рабочим и в известной мере выражали их интересы. Эбертисты и руководимая ими Коммуна Парижа сыграли большую роль в борьбе за свержение монархии, за изгнание жирондистов из Конвента, за принятие мер против спекуляции и дороговизны. Однако весной 1794 г. революционное якобинское правительство отправило Эбера и его друзей на гильотину, а Коммуну Парижа подвергло «чистке» и лишило прежнего политического значения. Корни этого, по сути дела классового, конфликта, приведшего к казни эбертистов, лежат глубоко. Их гибель отразила обострение противоречий между плебейской частью революционного якобинского блока и буржуазной. При всех свойствах эбертистам слабым сторонах их деятельности и недостатках бесспорным остается то, что именно они выдвинули наиболее передовую, отвечавшую интересам беднейших слоев народа социально-экономическую программу. В данном очерке на основе изучения «Père Duchesne» и других источников освещаются обстоятельства, обусловившие гибель эбертистов.

В конце 1793 г. по Франции прокатилась волна дехристианизации: закрывались католические и иные храмы, священников принуждали отречься от сана, высмеивалась культовая обрядность и пр. Это был явный левый эксцесс, в котором эбертистские руководители Парижской коммуны были, конечно, повинны, но отнюдь не в большей мере, чем многие другие деятели революции, в том числе изрядное число комиссаров Конвента в департаментах.

10 октября 1793 г. комиссар Конвента Ж. Фуше, находившийся тогда в Невере, издал постановление, которым предписывалось: «1. Все культы различных вероисповеданий могут быть отправляемы только в принадлежащих им храмах; 2. Так как республика не признает никакого господствующего или привилегированного культа, то все религиозные символы, находящиеся на дорогах, площадях и вообще во всех общественных местах, подлежат уничтожению; 3. Всем священникам и служителям культа под страхом заключения запрещается показываться вне храмов в одежде, присвоенной их культу». На кладбищах разрешалось высаживать лишь деревья, «под сенью которых будет возвышаться изваяние, изображающее Сон. Все прочие символы подлежат уничтожению». На кладбищенских воротах надлежало сделать надпись: «Смерть есть вечный сон». Это постановление Фуше приобрело широкую известность. Ему стали подражать. Многие комиссары Конвента в департаментах либо издавали аналогичные постановления, либо просто распространяли постановление Фуше на подведомственные им территории. Так же поступила и Коммуна Парижа, одобрявшая постановление Фуше.

1 ноября в Конвент явились посланцы Фуше—делегаты из Невера, неся с собой 17 ящиков с золотом, серебром и прочей церковной утварью. «Сакюлоты Невера,—заявили они,—презирая золото и серебро, явились к вам, чтобы вручить эти реликвии фанатизма и гордости. Они попирают ногами кресты и все игрушки

попов... Кроме того, они выражают категорическое пожелание об упразднении служителей католического культа и замене их проповедниками морали». Четыре дня спустя Фуше устроил в Мулене, в помещении бывшего храма богородицы, заседание установленных властей города, наблюдательного комитета и революционной армии. В речи на этом заседании он говорил «о лицемерии священников и о фанатических церемониях их культа», предложив в заключение «заставить исчезнуть все атрибуты поповского культа и заменить их бога богом санкюлотов»¹.

Действия Фуше и других комиссаров Конвента, конфисковавших церковное имущество, вызвали восторг Эбера и его друзей. «Père Duchesne» писал: «Если бы санкюлот Иисус вернулся на землю, как он был бы доволен, видя, что все воры изгоняются из храмов»². Ночью 6 ноября к парижскому архиепископу Гобелю явилась депутация Центрального комитета народных обществ и заявила, что он должен отречься от сана и приказать подчиненному ему духовенству закрыть церкви. На другой день Гобель, запросив мнение епископского совета (который 14 голосами против 3 высказался за подчинение приказу), направился в Конвент и торжественно отрекся от своего сана. За этим актом последовали массовые отречения от сана духовных лиц как в Париже, так и в департаментах.

10 ноября в соборе Парижской богородицы состоялось торжество по поводу «успехов в уничтожении фанатизма» — знаменитое празднество в честь Разума. Богиню Свободы изображала миловидная гражданка Обри из Оперы. На этом празднестве присутствовали представители Конвента, Коммуны и Парижского департамента. 23 ноября Генеральный совет Коммуны по предложению Шометта постановил: «Все церкви и храмы всех религий и всех культов, существующих в Париже, будут немедленно закрыты; все священники и служители каждого из культов несут персональную ответственность за все волнения, источником которых являются религиозные убеждения; всякий, кто потребует открыть храм или церковь, будет арестован как подозрительный». Коммуна решила просить Конвент издать декрет, «запрещающий священникам занимать какие-либо общественные должности или работать в области производства оружия, а равно и заниматься какой бы то ни было работой»³. В Париже (как и в других городах) начались уличные шествия, участники которых с крестами и хоругвями в руках пародировали церковные обряды и распевали бойкие куплеты: «Не служить попам обедни, не обманывать людей... Ударим же дружной сегодня на ханжей!»⁴.

Тем временем в Генеральный совет Коммуны одна за другой являлись депутации от секций, чтобы заявить о своем отказе от католического культа. Такое заявление сделали секции Бон-Нувель, Санкюлотов и Ратуши. Секции Кенз-Ван, Ломбар, Прав человека, Гравилье, Арсенала, Нераздельности и Музея сообщили, «что, не желая отправлять иного культа, кроме культа Свободы, здравой философии и Разума, они закрыли церкви своих округов и намерены преподнести Конвенту и возложить на алтарь отечества все ценности, служившие гордости тех, кто называл себя выразителями воли божества». Революционный комитет секции Соединения передал совету кресты, чаши и прочую утварь. Народное общество секции Музея с гордостью сообщало о сожжении библии и других церковных книг. Секция Бон-Нувель докладывала, что она «открыла у себя чтение курса морали». Народное общество секции Ратуши жаловалось: «Ханжи и фанатики продолжают еще собираться вокруг чаш со святой водой» и просило совет поступить так, «чтобы отнять у этих глупцов надежду на воскрешение фанатизма». Совет обязал командующего Национальной гвардией «принять меры для прекращения этих сборищ». 15—16 ноября заявление об отказе от католического культа и о приверженности к культу Разума сделали секции Вооруженного человека, Соединения, Вильгельма Телля, Муция Сцеволы, Пик, Рынка, Монтрей, Братства⁵.

¹ Я. М. Захер. Дехристианизаторская деятельность Жозефа Фуше. «Ежегодник» Музея истории религии и атеизма. Вып. III. М.-Л. 1959, стр. 108—110.

² G. Walter. Hébert et le Père Duchesne. P. 1946, pp. 162—163.

³ P. J. Buchez, P. C. Roux. Histoire parlementaire de la Révolution française. P. 1837. T. 30, p. 284.

⁴ «Песни первой французской революции». М.-Л. 1934, стр. 455.

⁵ F. V. Gaesche. Papiers de Chaumette. P. 1908, pp. 206—211.

Руководитель якобинского правительства М. Робеспьер выступил против дехристианизации, за свободу культов, но призывал к строгому пресечению всяких попыток контрреволюционной деятельности со стороны духовенства. Вместе с тем он использовал обстановку, созданную дехристианизацией, в целях межфракционной борьбы, переложив всю ответственность за насилия над католическим культом на «подлых эмиссаров иностранных тиранов». Так Робеспьер публично назвал эбертистов, открыто обвинив их в том, что они своим «атеизмом» и «безнравственностью» компрометируют революцию. «Верно ли, что главной причиной наших бед является фанатизм? — спрашивал он в речи, произнесенной 21 ноября в Якобинском клубе. — Фанатизм! Он умирает... Вы говорите, что боитесь священников? А священники еще больше боятся успехов просвещения... Нет, не фанатизм должен быть теперь главным предметом нашего беспокойства. Не видите ли вы, какую западню расставляют нам враги республики и подлые эмиссары иностранных тиранов? ...Они хотели бы вызвать к нам неприязнь всех народов... и оттолкнуть от вас, с помощью предрассудков или религиозных догматов, тех, чьи мораль и общий интерес привлекли к величественному и святому делу, которое мы защищаем. Повторяю, вам нечего бояться иного фанатизма, кроме фанатизма безнравственных людей, подкупленных иностранными государствами с целью возродить фанатизм и придать нашей революции налет безнравственности».

Робеспьер не ограничился защитой свободы культов. Он осудил атеизм и выступил в защиту религии, правда, не католической. Он доказывал, что религия необходима именно народу; что она составляет утешение для несчастных и угнетенных и пр. «Могут, возможно, сказать, что я человек ограниченный, суеверный... — продолжал он. — Атеизм аристократичен; идея «верховного существа», охраняющего угнетенную невинность и карающего торжествующее преступление, — это народная идея. Народ, все несчастные аплодируют мне, критиковать меня стали бы богачи и преступники». И Робеспьер повторил известные слова Вольтера: «Если бы бога не существовало, его надо было бы выдумать»⁶. Эта речь Робеспьера означала объявление войны эбертистам, которые, однако, обвинялись не в том, что составляло их действительную «вину» перед буржуазией, — они требовали раздробления крупных поместий и ферм, наделения неимущих собственностью и т. п., — а в «атеизме» и «безнравственности». 6 декабря Конвент принял декрет о свободе культов, который запрещал «всякие насилия или угрозы, противоречащие свободе культов». Вместе с тем в декрете подчеркивалось, что Конвент «никоим образом не намерен отменять репрессивные законы и меры общественного спасения, направленные против не присягнувших и мятежных священников и против всех тех, кто попытался бы злоупотреблять религией, чтобы повредить делу свободы»⁷.

Коммуна Парижа встала на путь отказа от насильственного искоренения католического культа еще до появления этого декрета. На заседании Генерального совета Коммуны 28 ноября Шометт призвал отказаться от всяких дискуссий относительно различных культов. «Нам мало дела до того, кто является теистом или атеистом, — говорил он. — Не будем справляться о том, посещает ли он мессу, синагогу или протестантскую службу: будем справляться лишь о том, является ли он республиканцем». Шометт потребовал, чтобы «совет постановил, что он не будет больше выслушивать никаких предложений, петиций или мнений ни о каком культе, ни о какой метафизической или религиозной идее; чтобы он заявил, что, так как отправление культов является свободным, он никогда не предполагал и не предполагает препятствовать гражданам нанимать здания и оплачивать служителей любого культа, лишь бы только его отправление не было вредным для общества; впрочем, он заставит уважать волю секций, отказавшихся от католического культа и признавших только культ Разума, Свободы и республиканских добродетелей». После бурной дискуссии, в которой многие члены совета Коммуны утверждали, что если вновь открыть церкви, то «временно подавленный фанатизм возродится с новой силой», совет одобрил предложения Шометта⁸.

Эбер также всячески откровенно от «атеизма». Проходя 11 декабря «чистку»

⁶ М. Робеспьер. Избранные произведения. Т. III. М. 1965, стр. 70—74.

⁷ P. J. Buchez. P. C. Roux. Op. cit. T. 30, p. 324.

⁸ Ibid., pp. 290—291.

в Якобинском клубе, он сказал: «Меня обвиняют в атеизме. Я категорически отвергаю это обвинение. Я заявляю, что в своей газете я проповедовал жителям деревни чтение евангелия. Эта книга морали кажется мне превосходной, и необходимо следовать всем ее заповедям, чтобы быть безукоризненным якобинцем»⁹. Эбера трудно было уличить во лжи. При всех выпадах против фанатизма и священников и он и Шометт не сомневались, что миром управляет некое божественное начало. Культ Разума, который поощряла Коммуна, был воплощением не атеизма, а деизма, то есть представлял собой известный компромисс с религией. Что касается допущенных в борьбе с католическим духовенством крайностей, то их Коммуна Парижа исправляла так же, как это делали и комиссары Конвента в департаментах. Тем не менее большинство якобинцев продолжало обвинять Эбера и Шометта в «атеизме» и «безнравственности». На процессе Шометта это обвинение было одним из главных. «Целью Шометта и Гобеля,—говорилось в обвинительном заключении,—было совместно с Ронсеином-Кромвелем уничтожить всякий вид морали, подавить всякий принцип добродетели и тем самым доказать соседним народам, что французская нация достигла последней ступени разложения, отказавшись даже от самой идеи Верховного существа, под покровительством которого она ранее провозгласила неотъемлемые права человека и естественную свободу всех культов»¹⁰.

Разногласия по религиозным вопросам между эбертистами и Коммуной Парижа, с одной стороны, и правительственными комитетами, с другой, весьма острые в ноябре—начале декабря 1793 г., в дальнейшем благодаря отказу Коммуны от крайностей в борьбе с католическим духовенством значительно ослабли и отошли на задний план по сравнению с разногласиями по социально-экономическим вопросам. Что касается разногласий в области внешней политики, то они также утратили свою остроту с тех пор, как Эбер фактически отмежевался от агитации Клоотса в пользу создания всемирной республики.

Клоотс, переселившийся во Францию прусский барон (из Клеве-на-Рейне), обладатель крупного состояния, поклонник всего французского, был заметной фигурой среди деятелей парижских клубов. Революцию он встретил восторженно, отказался от звания барона и сменил свое имя Жан Батист на древнегреческое Анахарсис. Клоотс был атеистом, отрицал существование бога и на своих визитных карточках писал: «А. Клоотс, личный враг Иисуса Христа». Но главным делом его жизни была агитация за «революционную войну» с целью свержения «всех тиранов» и создания единой всемирной республики, столицей которой должен был стать Париж. Клоотс был очень популярен. Его избрали в Конвент сразу от двух департаментов. В Конвенте он был членом дипломатического комитета, а одно время являлся председателем Якобинского клуба. В конце 1793 г. он сблизился с эбертистами и Коммуной Парижа на почве дехристианизации и пропаганды «войны до крайности». Его социальные взгляды отличались консерватизмом, и «оратор рода человеческого» не раз выступал против пропаганды «аграрного закона», то есть разделения земельных богатств среди неимущих.

Агитация за «революционную войну», за «освобождение народов» увлекла очень многих. Повстанческая Коммуна, едва конституировавшись, 12 августа 1792 г. приняла постановление о том, «что будет составлен адрес Национальному собранию с целью просить его заявить от имени Французского государства, что, хотя Франция и отказалась от всяких завоеваний, тем не менее нация приложит самые большие усилия к тому, чтобы освободить от ига деспотизма все народы Земли, и что лишь с этой целью она готовится вступить на иностранную территорию»¹¹. Это идея увлекла и депутатов Конвента. 19 ноября 1792 г. Конвент от имени французской нации объявил, «что он обещает братскую помощь всем народам, которые захотят вернуть себе свободу, и поручает исполнительной власти отдать генералам необходимые приказания, чтобы оказать помощь этим народам и защитить тех граждан, которые терпят или могут потерпеть притеснения за дело свободы»¹².

⁹ G. Walter, Op. cit., p. 167.

¹⁰ P. J. Buchez, P. C. Roux. Op. cit. T. 32. p. 250. III. Ф Ронсен — драматург, командующий Революционной армией, один из лидеров эбертистов.

¹¹ P. J. Buchez, P. C. Roux. Op. cit. T. 17, p. 192.

¹² «Réimpression de l'ancien Moniteur». P. 1854. T. 14, p. 517.

Будущий член Комитета общественного спасения А. Сен-Жюст выражал чрезвычайно широко распространенные настроения, когда говорил 12 февраля 1793 г. в Конвенте: «Мы призваны изменить природу европейских государств; мы не должны отдыхать до тех пор, пока Европа не будет свободной; ее свобода будет гарантировать прочность нашей свободы. На Земле существуют три вещи, с которыми не может примириться революционная добродетель: первая из них — наличие королей; вторая — послушание королям; третья — заключение мира в то время, когда где-нибудь еще существуют господа и рабы»¹³.

Заразился этим стремлением и Эбер. Одновременно с Клоотсом он призывал к всемирной революции, к свержению всех королей, к освобождению всех народов. Но Эбер несколько иначе, чем Клоотс, представлял себе, как должна осуществиться столь желанная всемирная революция. Клоотс, хотя и мечтал о том, чтобы в подвластных «деспотам» странах появились новые Спартаки, Жижки, Мюнцеры и Пугачевы, но не очень-то верил, что народы Европы смогут освободиться от тирании собственными силами, и делал ставку на то, что всемирная республика будет создана штыками французских республиканских армий. Эбер, напротив, считал, что всемирную революцию совершат сами народы, воодушевленные примером Франции. «Не будем надеяться обратить рабов, которые благословляют свои цепи, — писал он в апреле 1793 года. — Философия не установит свое царство пушками и штыками... Создадим хорошие законы, которыми французский народ обеспечит свою свободу и счастье, и тогда другие народы последуют его примеру; у них откроются глаза, и они кончат тем, что уничтожат, как и мы, негодяев, держащих их в цепях»¹⁴.

Агитация за всемирную революцию, да еще с такими крайностями, как призыв Эбера и Шометта отказаться от всякой дипломатии, от всяких переговоров с иностранными государями, усложняла и без того нелегкое международное положение Франции. Робеспьер по-государственному мудро выступил против революционного авантюризма Клоотса и Эбера. «Можно помочь свободе. Но нельзя создать ее применением иностранной вооруженной силы..., — писал он в феврале 1793 г. — Те, кто хотят диктовать законы с оружием в руках, рассматриваются всегда как чужеземцы и завоеватели... Сейчас все, что нам нужно, это разгромить воюющих с нами тиранов... Время, разум, наш пример и мир сделают все остальное... Отдадим судьбы народов в их собственные руки»¹⁵.

Этот призыв к реализму в области внешней политики поддержал и Ж. Дантон. Выступая 13 апреля 1793 г. в Конвенте от имени Комитета общественного спасения, он подверг критике декрет от 19 ноября 1792 г., который, по его словам, «обязал бы вас поддерживать даже горстку патриотов, которым вздумалось бы устроить революцию, скажем, в Китае. Вынесем решение не вмешиваться в дела наших соседей». Конвент согласился с оратором и декретировал, «что он никоим образом не будет вмешиваться в управление других держав; но в то же время он заявляет, что скорее погибнет под собственными развалинами, чем потерпит вмешательство какой-либо державы во внутренние дела республики»¹⁶. Этот декрет был велением времени: он открывал путь для активной дипломатии республики, рассчитанной на то, чтобы расколоть вражескую коалицию и упрочить отношения с нейтральными государствами.

Жизнь подтвердила правильность именно этой линии, нашедшей отражение и в конституции 1793 года. Соответствующие статьи конституции гласили: «118. Французский народ является другом и естественным союзником свободных народов; 119. Он не вмешивается в управление других наций. Он не потерпит, чтобы и другие нации вмешивались в его управление... 121. Он не заключает мира с врагом, который оккупирует его территорию»¹⁷. Таким образом, провозглашался принцип защиты независимости и территориальной целостности своей страны и невмешательства во внутренние дела других народов. Формулировка этого принципа была крупным до-

¹³ «Oeuvres complètes de Saint-Just». P. 1908. T. I, p. 414.

¹⁴ «Père Duchesne», № 225.

¹⁵ М. Робеспьер. Избранные произведения. Т. II, стр. 229—230.

¹⁶ Ж. Ж. Дантон. Избранные речи. Киев. 1924, стр. 49—50; P. J. Buchez, P. C. Roux. Op. cit. T. 25, pp. 445—446.

¹⁷ P. J. Buchez, P. C. Roux. Op. cit. T. 31, p. 414.

стижением передовой политической мысли и большой заслугой лично Робеспьера. Но внешнюю политику монтаньяров не нужно идеализировать. Они справедливо отвергли революционный авантюризм, свойственный Клоотсу и Эберу. Однако вместе с тем, чем больше побеждали армии республики, тем явственнее Конвент и правительственные комитеты отказывались от того рационального, что было у Клоотса и Эбера: от обязательств помогать освободительному движению других народов, а заботились в первую очередь о том, чтобы и во внешней политике блюсти только французские буржуазные интересы.

Требую в Конвенте 31 января 1793 г. издания декрета о присоединении к Франции бельгийских провинций, Дантон выдвинул лозунг «естественных границ» как цели французской внешней политики. «Я утверждаю,—говорил он,—что напрасно высказываются опасения по поводу чрезмерного расширения республики. Ее границы определены самой природой. Мы ограничены ею со всех четырех сторон горизонта—со стороны Рейна, со стороны океана, со стороны Альп и Пиренеев. Границы нашей республики должны закончиться у этих пределов, и никакая сила на Земле не помешает нам достигнуть их»¹⁸.

15 сентября 1793 г. Конвент утвердил инструкцию о поведении французских войск на занятых неприятельских территориях. Республиканским генералам предписывалось поступать по строжайшим обычаям войны, «отказываясь от всякой филантропии, направленной к разъяснению иностранному народу преимуществ и значения свободы». Им рекомендовалось брать заложников, обезоруживать население, взимать контрибуции и производить реквизиции, но раскладывать их по преимуществу на богатых. Этот суровый и беспощадный язык инструкции свидетельствовал о том, что действовал старый принцип «война должна кормить войну». Ставка делалась уже не на пропаганду идей свободы, не на распространение революции, а на пополнение ресурсов Франции за счет неприятеля¹⁹. А вот еще один примечательный акт, ярко иллюстрирующий направленность якобинской внешней политики. 21 сентября 1793 г. Конвент принял Навигационный акт, нацеленный против Англии, от конкуренции которой страдала молодая французская промышленность. Этот акт запрещал доступ во Францию английским судам и английским товарам²⁰.

Естественно, что в конце 1793 г., когда во внешней политике Франции все явственнее давали себя знать в первую очередь интересы буржуазии, призывы Клоотса к всемирной революции не могли не показаться анахронизмом. Озабоченный тем, чтобы расколоть противостоящую Франции монархическую коалицию или по меньшей мере удержать от присоединения к ней еще остававшихся нейтральными европейских государей, Комитет общественного спасения все откровеннее давал им понять, что Французская республика отнюдь не собирается свергать их с престолов. 5 декабря 1793 г. Робеспьер говорил в Конвенте: «Французы вовсе не одержимы манией сделать счастливой и свободной какую-нибудь нацию против ее воли. Все монархи могли бы прозябать или умирать на своих окровавленных тронах, если бы они умели уважать независимость французского народа»²¹. Что касается Клоотса, исключенного из Якобинского клуба и, как и другие иностранцы, из Конвента и к тому же арестованного, то Робеспьер клеймил его как... агента иностранных тиранов. «Тот, кто призывает Францию к завоеванию мира,—говорил он в Конвенте 5 февраля 1794 г.,—не имеет иной цели, как призвать тиранов к завоеванию Франции. Лицемерный иностранец, который в течение пяти лет провозглашает Париж столицей земного шара, признает на другом жаргоне проклетия подлых федералистов, обрешших Париж на разрушение. Проповедовать атеизм—это лишь способ оправдать суеверия и обвинить философию, а война, объявленная божеству, лишь отвлекает внимание в пользу королевской власти»²².

От Клоотса отрекся даже Эбер. «Настанет пора, я надеюсь, когда все народы Земли, уничтожив своих тиранов, образуют единую братскую семью,—писал он в

¹⁸ Ж. Ж. Дантон. Указ. соч., стр. 27.

¹⁹ A. Mathiez. La Révolution et les étrangers. P. 1918, pp. 150—153.

²⁰ P. J. Buchez, P. C. Roux. Op. cit. T. 32, pp. 461—482.

²¹ М. Робеспьер. Избранные произведения. Т. III, стр. 86.

²² Там же, стр. 116—117.

феврале 1794 г. — Однако я не думаю, как пророк Анахарсис, что мы должны стать Дон-Кихотами и собираться предпринять всеобщий крестовый поход, чтобы обратить к свободе тех, кто еще не достоин ее познать. Время и разум — вот кто произведет это чудо. Начнем с установления у нас этой свободы..., и тогда люди, которые имеют сколько-нибудь крови в жилах, будут стараться подражать нам»²³. Сен-Жюст, который совсем недавно призывал французов не складывать оружия до тех пор, пока вся Европа не будет свободной, также отрекся теперь от всякой «филантропии» в пользу других народов. «Можно желать добра всем народам, — говорил он в Конвенте 16 октября 1793 г., — но делать добро можно лишь своему народу. Исходя из этого принципа, Комитет общественного спасения из всех народов мира обращает внимание лишь на французский народ. Слишком долго филантропия служила маской для враждебных нам посягательств, и это та самая филантропия, которая похоронила в Бельгии сто тысяч французов и миллиард двести миллионов деньгами»²⁴.

Таким образом, самый ход событий сгладил или отодвинул на задний план разногласия и по религиозным вопросам и по вопросам внешней политики, которые ранее разделяли эбертистов и Коммуну Парижа, с одной стороны, и правительственные комитеты — с другой. И те, и другие отказались от крайних мер в борьбе с католическим духовенством и решительно отмежевывались также от планов насильственного революционизирования Европы. Зато обострялись и становились все более непримиримыми разногласия между ними по вопросам социально-экономической политики. Именно здесь лежали главные причины, которые в конце концов привели к казни эбертистов.

Наибольший интерес вызывает социальная программа Эбера, находившая живой отклик у народных «низов». Именно Эбер ясно и четко формулировал такие требования народных «низов», как раздробление крупных поместий и ферм, уравнивательный передел земли, наделение неимущих собственностью. Эта программа натолкнулась на сопротивление всей буржуазии, в том числе и буржуазной части якобинского блока. Эбер горячо отстаивал право неимущих на землю. «Я всегда согласен проповедовать уважение к собственности; это прекрасно и хорошо, — писал он в сентябре 1793 года. — Но разве существование не является главной собственностью? Имеется ли хоть одна власть на свете, которая может лишить ее? Земля, как воздух и вода, принадлежит всем людям»²⁵.

Эбер поддержал популярное в народе требование раздела имущества участников роялистских и жирондистских мятежей между патриотами. «Пусть одним добрым декретом будет объявлено, — писал он в июне 1793 г., — что департаменты, которые примут этих изменников, считаются мятежными и что имущества заговорщиков будут разделены между республиканскими солдатами»²⁶. В дальнейшем Эбер распространил это требование на имущество тех собственников, которые нарушали закон о твердых ценах на хлеб: «Декретируйте, черт возьми, что всякий собственник, который не поставит республике определенного количества хлеба, пропорционального продукции его земель, будет лишен своей собственности и что его поля будут разделены между всеми санкюлотами, которые имеют умелые руки и не пашут»²⁷, — писал он в сентябре 1793 года. Наиболее смело Эбер выступил с требованием уравнительного раздела земель в одном из номеров «Père Duchesne» (февраль 1794 г.). «Чтобы убить одним ударом купеческую и фермерскую аристократию, — писал он, — пусть разделят все крупные имения на мелкие участки. Они будут лучше обрабатываться... Если в то же самое время станут продавать национальные имущества лишь мелкими частями, если станут обрабатывать все парки эмигрантов..., мы снова будем продавать продовольствие и никогда не испытаем недостатка»²⁸.

Какие бы ошибки ни были свойственны Эберу, его заслуга заключается в том, что он с большой настойчивостью выдвигал требование раздела крупных поместий

²³ «Père Duchesne», № 348.

²⁴ «Oeuvres complètes de Saint-Just». Т. II, p. 92.

²⁵ «Père Duchesne», № 289.

²⁶ «Père Duchesne», № 247.

²⁷ «Père Duchesne», № 289.

²⁸ «Père Duchesne», № 345.

и ферм на мелкие участки и ратовал за то, чтобы земля перешла в руки трудового люда, а не сельских богачей. Это наиболее сильная сторона социальной агитации Эбера. И именно в этой области его разногласия с большинством якобинцев были особенно глубоки и непримиримы. В эпоху Французской буржуазной революции конца XVIII в. крестьянское движение еще не поднялось до такого уровня, чтобы требовать конфискации помещичьей земли и ее бесплатной передачи крестьянам. Главное требование крестьянства в этой области заключалось в том, чтобы был изменен установленный еще в 1790 г. порядок продажи земель из фонда национальных имуществ, крайне неблагоприятный для мелких покупателей. Эти земли продавались с торгов, предпочтительно целыми имениями или фермами и с краткой по времени рассрочкой платежа (на 4,5 года). На протяжении многих лет крестьяне требовали, чтобы земли из фонда национальных имуществ дробились и продавались мелкими участками с более длительной рассрочкой платежа; они упорно настаивали также на том, чтобы запретить организацию крупных ферм и раздробить аренду. Поднимался вопрос и об отмене торгов. Но якобинцы не откликнулись на эти пожелания крестьян, как и предшествовавшие им феянско-жирондистские правительства. Правда, крестьянские волнения заставили Конвент декретировать ряд мер в целях наделения земель неимущих, но эти меры либо являлись слишком ограниченными, либо отменялись, когда проходила вызвавшая их социальная гроза.

Изменил ли Конвент прежний порядок продажи земель из фонда национальных имуществ, выгодный лишь богатым? Если не считать того, что вводилась рассрочка платежа сроком на 10 лет, то ничего другого он фактически не изменил. Статья 1 раздела IV декрета от 3 июня 1793 г. гласила: «Недвижимые имущества эмигрантов продаются с торгов тому, кто даст за них более высокую цену, согласно правилам, установленным для отчуждения других национальных имуществ». Итак, сохранялось положение, неблагоприятное для мелких покупателей: продажа эмигрантских имуществ с торгов, где богач всегда брал верх над бедняком. Что касается дробления эмигрантских земель, то такой пункт в декрете от 3 июня действительно имелся, но со следующей оговоркой: «Насколько это будет возможно без ущерба для целостности каждой фермы или имения». Это означало, что местной администрации предоставлялась возможность и эмигрантские земли продавать по-старому: целыми имениями или фермами. Так это и делалось. Сохранилась масса жалоб на то, что пункт декрета от 3 июня о дроблении эмигрантских земель не выполняется. А как стоял вопрос относительно бесплатного наделения земель неимущих? В статье 2 того же декрета говорилось: «В тех коммунах, где нет общинных земель, подлежащих разделу, и где имеются земли, принадлежащие эмигрантам, от этих земель будет отрезана часть, достаточная для выделения по одному арпану (0,4 га), на основе уплаты ренты, каждому главе семьи, который владеет меньшим количеством земли или не владеет ею вовсе»²⁹.

Таким образом, на другой день после восстания 2 июня 1793 г., низвергнувшего господство Жиронды, выразившей интересы крупной торговой и промышленной буржуазии, победоносная Гора, представлявшая революционно-демократические силы в Конвенте, считала возможным выделить беднякам без уплаты наличными только по 0,4 га земли из эмигрантского фонда, да и то лишь в тех коммунах, где не было подлежащих разделу общинных земель. Но и этот декрет фактически применялся в одном департаменте Сены и Уазы, волнения в котором послужили непосредственным поводом к его изданию. А 13 сентября 1793 г. по письму администратора национальных доменов Амело, который жаловался на то, что выделение фонда в пользу бедноты затягивало продажу эмигрантских земель, Конвент декретировал: «Статья 2-я раздела IV декрета от 3 июня сего года отменяется. Главы семейств, не имеющие собственности, не зачисленные в налоговые списки и проживающие в коммунах, где нет общинных земель, получают право покупать земли эмигрантов в пределах до 500 ливров каждый, с уплатой в течение 20-ти лет равными взносами и без начисления процентов»³⁰. Кредит в 500 ливров практически не давал возможности бедняку приобрести что-либо на торгах, где ему приходилось конкурировать

²⁹ «Archives parlementaires de 1787 à 1860». P. 1862—1914. T. 66, pp. 9—10

³⁰ Ibid., t. 74, pp. 46—47.

вать с более богатыми покупателями. Это была лишь кажущаяся уступка бедноте, такая же кажущаяся, как и выделение беднякам по одному арпану, предусмотренное декретом от 3 июня. Знатоки аграрного вопроса эпохи Французской буржуазной революции конца XVIII в. Ж. Лефевр справедливо отмечает, что этот закон остался на бумаге. «Администрация дистриктов была в значительной мере повинна в провале закона. Она либо не делила эмигрантских имений, либо же огромное большинство участков оказывалось оцененным свыше 500 ливров»³¹.

Чем же руководствовались большинство Конвента, отказываясь принять меры к действительному наделению бедноты землей? Чисто буржуазными соображениями: если дать возможность неимущим приобрести землю или, по меньшей мере, стать самостоятельными арендаторами, то тогда где же владельцы разного рода предприятий найдут нужные им рабочие руки? Член Комитета по отчуждению Шарль Делакруа писал в отчете 19 января 1794 г.: «Мы считали, что при столь значительном населении неимущий должен находить источники существования не в сельском хозяйстве, но в промышленности, в торговле, в ремеслах»³².

В конце февраля — начале марта 1794 г. Конвент принял по докладу Сен-Жюста известные вантозские декреты. Что же предусматривали эти декреты? Закон от 26 февраля (8 вантоза) гласил: «Собственность патриотов священна и неприкосновенна. Имущества лиц, признанных врагами революции, будут секвестрованы в пользу республики»³³. В законе от 3 марта (13 вантоза) говорилось, что Комитет общественного спасения «представит доклад о способах вознаграждать всех несчастных за счет имуществ врагов революции»³⁴. Несомненно, намечался еще один шаг в перераспределении собственности. Если раньше были конфискованы земли церкви, а затем земли дворян-эмигрантов, то теперь круг земель, подлежащих конфискации, расширялся еще более. Но кому должны были достаться эти земли? Ведь вантозские декреты вовсе не предписывали раздела подлежащих конфискации земель врагов революции среди «несчастных». Эти декреты можно было истолковать и как выдачу «несчастливым» денежных пособий за счет сумм, вырученных от продажи земель врагов революции. Именно так Комитет общественного спасения и трактовал в дальнейшем эти декреты. Сен-Жюст, который действительно требовал наделения земель «несчастных», вовсе не имел в виду передачу им земли в собственность. В его бумагах была найдена такая заметка: «Не производя раздела земель, следует лишь произвести раздел их аренды»³⁵. Не ставя здесь под вопрос искренность стремления самого Сен-Жюста в какой-то форме наделить землей «несчастных», следует признать, что даже его позиция в этом вопросе не отличалась четкостью и определенностью. Что касается большинства членов Комитета общественного спасения, то едва ли можно сомневаться в том, что эти люди одобрили предложенные Сен-Жюстом меры лишь для того, чтобы обеспечить изоляцию эбертистов, социальная агитация которых внушала им опасения.

Ранняя весна 1794 г. в Париже была тревожной. Измученная нехваткой продовольствия и трудностью получить его по твердым ценам, беднота роптала. Свойственные ей бунтарские настроения проявлялись в виде мятежных речей, призывов расправиться со «скупщиками» и пр. Полицейский наблюдатель Бакон сообщал 9 февраля, что он слышал, «как не одна, а двадцать женщин говорили, что народ с оружием в руках пойдет в Конвент, чтобы потребовать у него ответа, собирается ли он наконец положить предел разбою торговцев, которые грабят бедняков». Другой наблюдатель отмечал 23 февраля, что простые люди считают «единственными виновниками своих бед торговцев и мясников. Эти люди говорят, что достаточно изрядное количество их гильотинировать, и этот суровый урок поможет вновь прийти к изобилию». По распоряжению Комитета общей безопасности 2 марта был арестован гражданин Венсено, помощник командира батальона секции Арсенала, на которого донесли, что он вел разговоры о «всеобщем восстании в связи с голодом... и громко

³¹ Ж. Лефевр. Аграрный вопрос в эпоху террора. Л. 1936, стр. 55

³² Там же, стр. 57.

³³ P. J. Buchez, P. C. Roux. Op. cit. T. 31, p. 311.

³⁴ Ibid., p. 312.

³⁵ «Oeuvres complètes de Saint-Just». T. II, p. 537.

заявлял о том, что фонари еще не позабыты, что в каждом квартале на них будут повешены все правители и умеренные»³⁶.

Требования народных «низов» об усилении террора против спекулянтов горячо поддерживал Эбер. Этот деятель парижской санкюлотерии напал теперь не только на крупных собственников и богатых купцов, что было характерно для него в прошлом, но и на мелких лавочников. «Я закусываю удила, я швыряю в сторону мои речи, — писал он в феврале 1794 г., — чтобы заниматься лишь скупщиками и эксплуататорами. Богатые фермеры, торговцы и продавцы всякого рода, я объявляю вам бой не на жизнь, а на смерть. Я одинаково не дам пощады как уличному торговцу зеленью, так и самому крупному купцу»³⁷.

После событий 4—5 сентября 1793 г. в Париже была создана Революционная армия (в составе 7 200 чел.), специально предназначенная для подавления контрреволюции и для помощи в снабжении столицы продовольствием. Эбер требовал значительно увеличить Революционную армию, придав каждому ее отряду трибунал и гильотину, и тогда головы скупщиков падут, «как падают спелые яблоки в Нормандии». «Чтобы положить конец грязным делишкам спекулянтов и жадности торговцев, — писал он, — пусть удвоят, пусть утроят Революционную армию, черт возьми. Пусть пошлют ее сильные отряды во все департаменты; это единственное средство установить максимум. Пусть головы кровопийц народа падут, как и головы изменников и заговорщиков! Пусть мясник, который обращается с санкюлотами, как со своими псами, и который дает им лишь глотать кость, сохраняя филе для важных клиентов, будет укорочен, как враг санкюлотерии! Пусть поступят так же с торговцем вином, который устраивает сбор винограда под Новым мостом и отравляет веселящихся республиканцев... Трепещите, пиявки народа, его топор поднят, чтобы паразитить вас!»³⁸.

Напротив, правительственные комитеты стремились к тому, чтобы по возможности смягчить закон о максимуме, вызвавший сильное недовольство среди торговцев. Дополнительным декретом от 21—22 февраля 1794 г. (3—4 вантоза) Конвент внес существенные изменения в этот закон («третий максимум»). Национальные агенты дистриктов уполномочивались установить новые максимальные цены, более выгодные для торговцев: к цене каждого товара 1790 г., увеличенной на одну треть, приплюсовывались еще 5% прибыли для оптового торговца, 10% прибыли для розничного торговца и транспортные расходы (например, для перевозки зерна по 4,5 су с почтовой мили большой дороги и по 5 су — для проселочной)³⁹.

Лидеры Горы с беспокойством следили за агитацией Эбера, направленной на усиление террора против торговцев. «Но вот явился Эбер и нагнал на парижскую торговлю такую панику, что стало совершенно невозможно снабжать этот город продовольствием. Из Парижа паника распространилась по всей Франции»⁴⁰, — сетовал в Конвенте Сен-Жюст.

Еще в декабре 1793 г. Конвент принял декрет об аресте двух видных представителей Клуба кордельеров — генерального секретаря Военного министерства Ф. Венсана и командующего Революционной армией Ш. Ронсена. Этот арест, слабо мотивированный, вызвал сильное возбуждение в парижских клубах и секциях. Освобождения Венсана и Ронсена требовали кордельеры, секции и народные общества и в конце концов Якобинский клуб. Амар от имени Комитета общей безопасности был вынужден заявить, что против арестованных нет никаких улик. Тем не менее оба они продолжали сидеть в тюрьме. Кто же мешал их освобождению? Робеспьер. Он решительно выступал против адресов и петиций с требованием освобождения Венсана и Ронсена до тех пор, «пока не станет ясна вся правда»⁴¹.

Удивительно ли, что на заседании Клуба кордельеров 31 января 1794 г. один из присутствующих пожаловался на несправедливое отношение к патриотам. Он

³⁶ А. Собыль. Парижские санкюлоты во время якобинской диктатуры. М. 1966, стр. 219, 325, 343.

³⁷ «Père Duchesne», № 345.

³⁸ Ibid.

³⁹ P. J. V u c h e z, P. C. R o u x. Op. cit. T. 32, pp. 7—9.

⁴⁰ Ibid., p. 306.

⁴¹ М. Робеспьер. Избранные произведения. Т. III, стр. 101.

говорил, что попираются права человека, и в знак протеста против этого предложил завесить черной вуалью скрижали, на которых начертана Декларация прав человека и гражданина. Кордельеры единодушно одобрили это предложение и постановили, что траурная вуаль «будет укрывать Права человека от взглядов кордельеров до тех пор, пока преследуемым патриотам не будет оказано правосудие». Одновременно кордельеры назначили комиссаров, чтобы потребовать от Комитета общей безопасности немедленного представления доклада по делу Венсана и Ронсена⁴². Через два дня Конвент постановил взять обратно свой декрет об аресте Венсана и Ронсена. Справедливость как будто бы была восстановлена. Но не тут-то было. Освобожденный из тюрьмы Венсан жаждал полной реабилитации и настаивал на своем принятии в члены Якобинского клуба (Ронсен уже был членом этого клуба). Его кандидатуру поддерживал член Клуба кордельеров Моморо. Однако Дюфурни, которого кордельеры только что вычеркнули из своих списков, настоял на том, чтобы вопрос о принятии Венсана в Якобинский клуб был отложен. Кордельеры, едва успевшие снять траурную вуаль с Декларации прав, опять заговорили о «притеснении патриотов». На заседании Клуба кордельеров 12 февраля Моморо обрушился на «всех этих износившихся в республике людей, людей с переломанными в революции ногами». Это был уже явный намек на Робеспьера, который последнее время болел. «Эти господа считают нас крайними,—продолжал Моморо,—так как мы являемся патриотами и так как они не желают более быть таковыми, если они когда-либо ими и были». Эти слова подхватил Эбер, который также напал на Робеспьера, правда, не решаясь назвать его по имени. «Это те,—говорил он,—которые, будучи жадными до власти, которую они забрали в свои руки, но оставшиеся ненасытными, выдумали и высокопарно повторяют в длинных речах слово «ультрареволюционеры», чтобы погубить друзей народа... Как будто бы можно сделать достаточно для народа!»⁴³.

На заседании Клуба кордельеров 2 марта Ронсен впервые заявил о «необходимом восстании», о «новом 31-м мая». Эбер еще возражал. Он находил, что достаточно лишь потребовать наказания 60 депутатов Конвента, в том числе Филиппо, Бурдона, К. Демулена. На заседании 4 марта кордельеры опять завесили Декларацию прав черной вуалью. Венсан выразил свое возмущение действиями Дюфурни и других, оценив их как проявление заговора, и предупредил, что новая клика непременно погубит республику, «если мы не прибегнем к оружию, внушающему страх врагам народа» (то есть к гильотине). Пришедший на это заседание Каррье признался, что по своему возвращении из Нанта он был поражен появлением новых людей на Горе, которые сожалеют об участи тех, «кого поразил меч национального правосудия». «Изверги! — воскликнул этот ультратеррорист. — Они хотели бы разбить эшафоты; но, граждане, помните, что гильотины не хотят именно те, кто сами достойны гильотины». В заключение Каррье призвал кордельеров действовать смело и решительно. «Восстание, святое восстание — вот чем вы должны ответить злодеям», — сказал он. Речь Каррье, вызвавшая бурные аплодисменты присутствующих, подстегнула Эбера, который вновь напал на Робеспьера, но опять не решился прямо назвать его. «Самыми опасными являются не воры, а честолюбцы», — сказал он. — Я назову вам этих людей, заткнувших рот патриотам в народных обществах. Два месяца я сдерживался, заставлял себя быть осторожным. Но теперь я не могу больше молчать». Тут весь зал стал ободрять Эбера. Помощник командующего Национальной гвардией Парижа Буланже крикнул ему: «Отец Дюшен, говори и не бойся: мы все являемся отцами Дюшенами, и мы будем действовать». Все же Эбер не рискнул произнести имя Робеспьера, но прямо заявил, что пресечь замыслы заговорщиков может лишь восстание. «Да, именно восстание! И кордельеры первыми подадут сигнал, который должен сразить всех угнетателей»⁴⁴.

Этот явно авантюристический призыв к восстанию с целью очистки Конвента от «новых бриссотинцев» не нашел поддержки ни в секциях, ни в Коммуне Парижа. К тому же кордельеры, призвав к восстанию, не предприняли никаких практических шагов к его организации. Они не послали своих комиссаров ни в секции,

⁴² G. Walter. Op. cit., p. 194.

⁴³ Ibid., pp. 196—197.

⁴⁴ «Réimpression de l'ancien Moniteur». Т. 19, pp. 629—630.

ни в клубы, как это делалось накануне восстаний 10 августа и 31 мая. Кордельерев поддержала лишь секция Марата, во главе которой стоял Моморо. Эта секция явилась 6 марта в Коммуну Парижа «всей массой» (около 600 чел.) и объявила, что она «поднялась» и будет находиться в этом состоянии до тех пор, пока продовольствие и свобода не будут гарантированы, а те, кто «притесняют патриотов», не понесут должного наказания. Шометт призвал секцию Марата к спокойствию. «Помните, граждане,— сказал он,— насколько опасным было бы возникновение в Париже хотя бы малейших беспорядков в тот самый момент, когда на фронте начинается новая кампания и когда все наши силы должны быть сосредоточены для борьбы с внешним врагом»⁴⁵.

Убедившись в своей изоляции, кордельеры сразу же дали отбой. Когда 7 марта в Клуб кордельеров явилась депутация Якобинского клуба во главе с Колло д'Эрбуа, то кордельеры сорвали и передали Колло траурную вуаль, закрывавшую Декларацию прав, а Эбер заявил, «что Комитет общественного спасения, якобинцы и весь Париж были введены в заблуждение неверными рассказами о заседании 14 вантоза». Далее Эбер разъяснил, что под восстанием он и его друзья понимали «более тесный союз со всеми истинными монтаньярами Конвента, с якобинцами и со всеми добрыми патриотами для того, чтобы добиться правосудия над изменниками и преследователями, остающимися безнаказанными»⁴⁶. Через несколько дней на стенах домов Парижа был расклеен плакат «Ответ Ж.-Р. Эбера, автора «Пер Дюшена», на ужасную клевету». Этот плакат был датирован 8 марта. В плакате объяснялось, что кордельеры завесили Декларацию прав лишь тогда, когда лучшие патриоты стали подвергаться несправедливым преследованиям и арестам. «Далекий от того,— говорилось в нем,— чтобы служить символом восстания против национального представительства, этот мужественный акт, напротив, должен был способствовать более энергичным мероприятиям в защиту Национального конвента и в поддержку революционного правительства, которые пытаются парализовать новая система умеренности»⁴⁷.

Не было никакой реальной угрозы того, что в Париже вот-вот вспыхнет восстание против Конвента. Тем не менее правительственные комитеты поспешили начать репрессии, направленные как против группы кордельеров, так и против всего санкюлотского движения. Были арестованы не только Эбер и его друзья, но и Шометт, и много других лиц, не имевших отношения к путчистской попытке кордельеров. 21—24 марта состоялся процесс эбертистов, а 10—13 апреля — процесс Шометта: печально знаменитые процессы «амальгамы», когда возглавлявший Революционный трибунал А. Фукье-Тенвиль и его помощники посадили на скамью подсудимых одновременно и плебейских революционеров, героев 10 августа и 31 мая, и монархистов-заговорщиков, банкиров-спекулянтов, иностранных шпионов и пр., стремясь создать впечатление, что такие люди, как Шометт и Эбер, добивались того же, что и эти последние, то есть гибели республики и Конвента, восстановления монархии, победы армий интервентов.

Обвиненные в том, «что они составили заговор против свободы французского народа и национального представительства; что они стремились низвергнуть республиканское правительство и заменить его монархической властью; что они условились... подвергнуть республику ужасам гражданской войны и рабства посредством клеветы, мятежа, развращения нравов, низвержения социальных принципов и голода, который они хотели обрушить на Париж»⁴⁸, — погибли на гильотине руководители Коммуны Парижа и Клуба кордельеров Эбер, Шометт, Венсан, Ронсен, Моморо. Арестован был мэр Парижа Н. Паш. Погиб на гильотине и пропагандист всемирной республики А. Клоотс, которого бездоказательно обвинили в том, что он является «прусским шпионом». Впоследствии по обвинению в «эбертизме» были гильотинированы или брошены в тюрьмы многие секционные активисты.

Как же реагировали на арест Эбера народные массы? В каком-то кафе полицейский наблюдатель подслушал, как один из посетителей сказал: «Если так будет продолжаться, прощай свобода, все полетит к чертовой матери»⁴⁹. Смысл репрессий,

⁴⁵ Ibid., pp. 645—646.

⁴⁶ G. Walter. Op. cit., p. 207.

⁴⁷ Ibid., p. 209.

⁴⁸ P. J. Buchez, P. C. Roux. Op. cit. T. 31, p. 368

⁴⁹ А. Собыль. Указ. соч., стр. 369.

обрушившихся на эбертистов, понимали достаточно хорошо и «умеренные» из числа парижских буржуа. В день ареста Эбера на улицах, в кафе, на рынках можно было слышать возгласы: «Пусть они погибнут, злодеи! На гильотину! Это Эбер является причиной голода, который мы испытываем, возбуждая народ, принуждая его кричать против скупщиков и захватывать все, что поступает в Париж!»⁵⁰.

Социальную значимость казней эбертистов и «чистки» Коммуны Парижа еще более подчеркнули декреты Конвента, направленные на «исцеление» торговли, которую, по общему мнению всех монтаньяров, Эбер и Коммуна Парижа хотели «убить». 1 апреля последовал выгодный для торговцев декрет о реформе закона против скупки (от 26 июля 1793 г.), споры о котором шли давно и который фактически мало применялся. Новый декрет обязывал делать декларации об имевшихся товарах только оптовых торговцев и освобождал от этого розничных. Наказания за нарушения закона были смягчены: смертная казнь сохранялась только для лиц, которые из контрреволюционных побуждений изымали из обращения товары первой необходимости или же умышленно уничтожали их. Для всех остальных нарушителей устанавливалась градация наказаний — от денежного штрафа до тюремного заключения и конфискации имущества. Упразднились также комиссары по борьбе со скупкой, вызывавшие недовольство торговцев. Их функции должны были выполнять назначавшиеся сроком на 10 дней и не получавшие оплаты члены Генеральных советов коммун. «Торговцы могли вздохнуть облегченно»⁵¹, — справедливо писал по этому поводу известный исследователь истории Французской буржуазной революции конца XVIII в. А. Матьез.

Декретом от 15 апреля вводились премии и ссуды для промышленников и торговцев, подчинявшихся предписаниям закона о максимуме. «Комитет общественного спасения, — говорилось в декрете, — будет поощрять посредством ссуд и премий работу фабрик и мануфактур, эксплуатацию копей и осушение болот; он будет покровительствовать промышленности и поддерживать взаимное доверие между торговцами; он будет предоставлять авансы купцам-патриотам, доставляющим продукты по максимуму; он даст гарантийные грамоты тем, кто будет доставлять товары в Париж, чтобы их транспорты не беспокоили; он будет защищать свободу передвижения грузов внутри страны и не допустит никаких нарушений общественного доверия»⁵². Это значило, что если раньше пытались принудить торговцев соблюдать максимум штрафами, наказаниями, арестами, то теперь ставка делалась на своего рода экономическое стимулирование «законной торговли», причем главные выгоды от этого должны были достаться крупным капиталистам. Прав Матьез, утверждавший, что подобная система была «косвенным нарушением максимума»⁵³.

27 марта В. Барер, руководивший дипломатическими делами республики, от имени Комитета общественного спасения потребовал в Конвенте упразднения Революционной армии, что и было декретировано. К этой армии (чисто санкюлотской по своему составу) Комитет общественного спасения с самого начала испытывал недоверие. Он затягивал ее комплектование, а затем раздробил ее и направлял в различные департаменты и в окрестности Парижа небольшими отрядами. Барер все же признал, что даже в таком виде Революционная армия помогла подавлению контрреволюционных мятежей и доставке продовольствия в Париж. В то же время он обвинил ее в «крайностях», в том, что она едва не стала «орудием узурпации» в руках Ронсена, и в заключение заявил, что существование такой армии «нарушает идеи равенства, лежащие в основе всех наших учреждений. Она несовместима с нашими принципами, так как предполагает две категории солдат и два класса граждан»⁵⁴.

Казнь эбертистов представляла пагубный для судеб революции акт. Совершив его, якобинское правительство в значительной мере лишилось доверия и поддержки парижских санкюотов. Это позволило сравнительно легко свергнуть его 9 термидора.

⁵⁰ G. Walter. Op. cit., p. 229.

⁵¹ А. Матьез. Борьба с дороговизной и социальное движение в эпоху террора. М.-Л. 1928, стр. 422.

⁵² P. J. Buchez, P. C. Roux. Op. cit. T. 32, pp. 325—326.

⁵³ А. Матьез. Указ. соч., стр. 428.

⁵⁴ «Réimpression de l'ancien Moniteur». T. 20, p. 66.